

НЕ ДЛЯ РОССИИ, А ИЗ РОССИИ

ИСТОРИЯ «РУССКОГО БАЛЕТА», РЕАЛЬНАЯ И
ФАНТАСТИЧЕСКАЯ В РИСУНКАХ, МЕМУАРАХ И ФОТОГРАФИЯХ
ИЗ АРХИВА МИХАИЛА ЛАРИОНОВА. —

М.: Издательская программа «Интерроса», 2009, 432 с. илл.

Скошенная обложка раскрывается как балетный занавес. Под ней — рисунки, фото, дневниковые записи, переписка. Архив знаменитого художника Михаила Ларионова, декоратора, хореографа и либреттиста дягилевского «Русского балета». О Сергее Дягилеве и его антерпризе написано немало. Но ничего более полного, более аутентичного на сегодняшний день, пожалуй, не существует. Разумеется, Ларионов страстен и субъективен, как всякий мемуарист. Он и полемизирует с Дягилевым, и критически оценивает целый ряд спектаклей, и непропорционально много уделяет внимания собственному участию в «Русских сезонах». Почти кощунственно звучат сегодня его слова в адрес великих балерунов: «Танцовщики, как, например, Павлова, Нижинский, достигли своими личными качествами большого обаяния, будучи во многих случаях несовершенно совершенными». Несовершенный Нижинский! Несовершенная Павлова! Люди, на которых и сегодня молится весь балетный мир. И все-таки Ларионову виднее. Он не просто видел их своими глазами, но и успел поработать с ними. Когда о Нижинском пишет человек не менее великий в своем деле, чем Нижинский в своем, приходится ему верить.

Книга Ларионова не только о балете как искусстве, но и о балетной жизни, что не менее интересно. Недаром же обаяние он ставит выше, чем холодное совершенство. Эскизы костюмов и сцены из спектаклей чередуют-

ся с поистине уникальным изобразительным материалом: фотографии гримборных, репетиции, выезды на природу. Тексты тоже полны бытовых подробностей: кто с кем поссорился, кто на ком женат, кто с кем останавливался в одном отеле. Трудно усмотреть в этом «желтизну». Скорее тут скрупулезность. Ларионов педантично фиксирует все, что попадает в его поле зрения. Для истории. Все — от несущественных деталей до точных, а порой и безжалостных, психологических наблюдений. Вот как, например,

*Rosto ecte magna
facilique conse
con veniam, vent
dolorpe vaesto
commy num
ver sum veraese
erostrud*

NOT FOR RUSSIA BUT FROM RUSSIA

HISTORY OF RUSSIAN BALLET REAL AND IMAGINARY, THROUGH DRAWINGS, MEMOIRS, AND PHOTOGRAPHS FROM THE ARCHIVE OF MIKHAIL LARIONOV. MOSCOW.

Publishing program "Interros", 2009, 432 pages with illustrations.

Slanted cover opens up as a ballet curtain. Under are drawings, photos, diary entries, and correspondence. It is the archive of the famous artist Mikhail Larionov – a decorator, choreographer and librettist for the Diaghilev's "Ballets Russes." There is a lot written about Sergei Diaghilev and his enterprise, however nothing so thorough and authentic on the subject exists to the date. Of course as any memoirist Larionov is biased and subjective. He contradicts Diaghilev, critically rates a number of his performances, and considerably exaggerates his own participation in "Russian Seasons."

His remarks about famous ballet dancers today seem outrageous: "Dancers such as Pavlova and Nijinsky became charming due to their personal qualities while they remain imperfect." How can Nijinsky and Pavlova, who are still worshiped by the world of ballet, be imperfect? But Larionov had his own perspective. He did not only see them with his own eyes but worked with them

as well. When a man just as great as Nijinsky but in his own trade writes about Nijinsky, it seems credible.

His book is not only about the art form of ballet but about the life of the ballet, which is just as interesting. Apparently he put charm above cold perfection. Costume sketches and scenes from performances are alternated with unique visual material such as photographs of dressing rooms, rehearsals and picnics. His writing is

ROSTO ECTE MAGNA
FACILIQVATE CONSE CON
VENIAM, VENT DOLORPE
RAESTO COMMY NUM VER
SUM VERAESE EROSTRUD
RAESTO COMMY NUM VER
SUM VERAESE EROSTRUD
RAESTO COMMY NUM VER
SUM VERAESE EROSTRUD

характеризует художник Дягилев, которого глубоко уважал: «Он обладал чувством угадать человека и его способности и дерзостью думать, что из кого угодно можно сделать все что угодно». Замечание едкое. Но ведь, если вдуматься, таким и должен быть настоящий продюсер. А Дягилев был не просто настоящим – гениальным.

Интересно, что большинство фамилий в тексте дано латиницей. Diaghilev, Balanchine, Spessivtzeva. Но еще более поразительно, что сама книга написана все же по-русски. Ведь Ларионов прожил большую часть жизни за границей, умер во Франции. Мог ли он рассчитывать на внимание российского читателя? Тем более что тогда, в середине века, читатель был советским, а не российским. Не мог, но, вероятно, рассчитывал. Дягилевский балет изначально был экспортным продуктом. Не для России, а из России. На родине ведь так и не было поставлено ни одного спектакля. «Полуночное солнце», «Шут», «Шахерезада» – все эти постановки сначала вошли в историю мирового искусства и только потом российского. Справедливость восторжествовала почти сто лет спустя после описываемых в книге событий благодаря вдове Ларионова, которая передала огромный архив художника в Третьяковскую галерею. В течение многих месяцев специалисты из трех стран: России, США и Франции – расшифровывали рукописи, переснимали фотографии и рисунки. Так появилась эта книга, которую Ларионов не писал, только собирался. История действительно фантастическая.

*Rosto ecte magna faciliquate
conse con veniam, vent dolorpe
raesto commy num ver sum
veraese erostrud*

*Rosto ecte magna faciliquate
conse con veniam, vent dolorpe
raesto commy num ver sum
veraese erostrud*

*Rosto ecte magna
faciliquate conse
con veniam, vent
dolorpe raesto
commy num
ver sum veraese
erostrud*

*Rosto ecte magna faciliquate
conse con veniam, vent dolorpe
raesto commy num ver sum
veraese erostrud*

full of private details of quarrels, marriage relationships, even about who stayed in the same hotel together. However it does not have a feeling of yellow press, but just of scrupulousness with which Larionov particularly fixated everything as it appeared before him. He did it for History, recording everything from insignificant details to making precise and sometimes merciless psychological records. For example, this is how the characterizes Diaghilev, who he respected deeply: "He possessed a sense of figuring out a person's abilities as well as an aplomb of thinking that he can make everything he wants from anyone he wants." It was a rough remark, but a real producer must bear the same qualities. And Diaghilev was not just real, he was a genius.

It is interesting that most of the surnames in the text were written with Latin letters. And it's even more striking that the book itself was written in Russian. Larionov lived most of his life abroad

and died in France. Could he count on attention of Russian readers? Especially considering that then in the middle of the century the reader was Soviet, not Russian? He couldn't count on it but he probably just hoped.

Diaghilev's ballet was primarily an export product. It was not for Russia but from Russia. Not one single performance was staged in Russia. All of the ballets such as the "Midnight Sun," "Le Bouffon," "Scheherazade" first settled in the art history of the world and only then in the history of Russian art. Justice triumphed about a century after the events described in the book, by the courtesy of Larionov's widow who presented this immense archive to Tretyakov gallery. For many months, specialists from Russia, USA, and France decrypted manuscripts and photographed images and drawings. This is a truly fantastic story of how a book that Larionov only aspired to write appeared.

*Rosto ecte magna faciliquate
conse con veniam, vent dolorpe
raesto commy num ver sum
veraese erostrud*